

О.В. ГРИШАЕВ, С.В. КРЕТИНИН

“РАБОТА НАД ПРОШЛЫМ” РОССИИ И ГЕРМАНИИ XX века В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В 2012 и 2014 гг. вышли два сборника материалов конференций российских и германских историков, объединенных общей темой исторической памяти и преодоления прошлого в истории России и Германии XX в.¹ Эти издания представляют собой несомненный научный интерес, так как отражают новейшие тенденции в развитии историографии наших двух стран. Как справедливо заметил историк Б.Л. Хавкин, за первую половину XX в. сложилась некая общая “российско-германская история”². Этот аспект хорошо иллюстрирует анализируемые издания.

Сборники являются плодом многолетнего сотрудничества российских специалистов по истории XX в., объединенных вокруг рабочей группы российских историков-германистов во главе с профессором МГУ А.Ю. Ватлиным, и немецких научных и общественно-политических объединений, таких как Академия политического образования Тутцинга, Федеральный фонд изучения диктатуры СЕПГ, фонд Конрада Аденауэра.

Мы остановимся на знаковых для современной историографии публикациях. Их лейтмотив – поиск точек соприкосновения, сближения позиций российской и германской историографии по таким сложным и неоднозначным вопросам, как характеристики сталинского СССР и исторической роли И.В. Сталина, спорные вопросы истории Второй мировой войны, история советского и восточно-германского обществ после 1945 г., формирование “коллективной памяти”.

Сборник “Россия и немцы в эпоху катастроф: Память о войне и преодоление прошлого” собран на основе материалов международной научной конференции с аналогичным названием, прошедшей в Волгограде в октябре 2010 г. Несмотря на то, что составители включили в сборник не все статьи, его композиция в целом раскрывает поставленную задачу: “не пытаться стереть из памяти нового поколения, а вооружить его знанием и оценками, которые помогут сближению европейских народов”³.

Сборник материалов конференции “Работа над прошлым: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России” посвящен культуре исторической памяти народов России и Германии, поскольку “именно в этих странах работа над прошлым приобрела особый накал и приняла наиболее драматичные формы”⁴.

Гришаев Олег Викторович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, историографии и документоведения Воронежского госуниверситета.

Кретинин Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского госуниверситета.

¹ Россияне и немцы в эпоху катастроф: Память о войне и преодоление прошлого. М., 2012; Работа над прошлым: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России. Челябинск, 2014.

² Хавкин Б.Л. Россия и Германия. 1900–1945. Сплетение истории. М., 2014, с. 7.

³ Работа над прошлым: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России, с. 9.

⁴ Там же, с. 6.

Несмотря на то, что составители обеих сборников подчеркивают общие черты в истории XX в. в исторической памяти России и Германии, представленные материалы указывают и на существенные различия во взглядах.

Об этом свидетельствуют слова представителя Свободного университета Берлина А. Баринга: “В целом между русскими, с одной стороны, и представителями Центральной и Восточной Европы – с другой, существует большое расхождение в исторической оценке обоих тоталитарных вождей – Гитлера и Сталина... Следует всегда помнить, что обе противоборствующие имперские идеологии и их гнусные вожди не видели препятствий тому, чтобы на несколько лет объединиться со своим смертельным врагом, причем ожидания обеих сторон были в высшей мере противоположными”⁵.

В вводной статье сборника “Россияне и немцы в эпоху катастроф” нашел отражение этот же тезис, сформулированный в более мягкой форме: “Выступавшие в ходе конференции историки были едины в том, что у нас никогда не будет единых представлений о войне, которая для россиян остается Великой Отечественной, а для немцев – войной на Востоке”⁶.

Однако разночтения и разногласия, проявляющиеся в острых дискуссиях между российскими германскими историками, даже с учетом меняющейся международной обстановки не представляются непреодолимыми.

Несомненной удачей сборников является то, что их составители сумели объединить публикации современников и исследователей событий. Так, германские и российские историки А. Баринг, Б. Бонвеч, А.Б. Цфасман и М. Вильке поделились своими воспоминаниями о военном и послевоенном времени. Как представители своих поколений они начинали с переосмысления исторического прошлого. “Почему Германия проиграла войну? Почему мы – оккупированная и разделенная страна? Почему мы должны считать Адольфа Гитлера политическим преступником, ведь за ним дисциплинированно и мужественно последовало большинство наших родителей?”⁷ – так формулировал свои вопросы профессор Свободного университета Берлина д-р М. Вильке.

Авторы обращались к историческим образам своей юности и молодости, которая пришлась на 1940-е – 1960-е годы. Трогательный рассказ Т.В. Евдокимовой (Волгоград) “Личные воспоминания одного сталинградские мальчишки” был посвящен детству преподавателя Волгоградского пединститута В.И. Мамонтова. “Самым ярким воспоминанием маленького мальчика стали впечатления от страшной бомбардировки Сталинграда 23 августа 1942 года”⁸.

Удачной поколенческой переключкой стали публикации молодых российских региональных историков. В частности, архангельский исследователь Р.Ю. Болдырев указывает, что “Великая Отечественная война была и остается одним из важнейших государствообразующих мифов”⁹. При этом образы, “диктуемые властью, не всегда совпадают с образами, возникшими и сохраняемыми в народной памяти”¹⁰. Мифологизация истории, исторического знания и образования до сих пор является одной из главных проблем российской историографии.

События Второй мировой (для россиян – Великой Отечественной) войны были и остаются для русских и немцев центральным “местом памяти”. В этом сходятся историки обеих стран. Московский историк Т.Ю. Тимофеева отмечает: “Ничего необычного в принципиальных различиях памяти о войне между Германией и Россией нет. Победитель и побежденный – вечная дихотомия противоположностей”¹¹. В статье

⁵ Россияне и немцы в эпоху катастроф: Память о войне и преодоление прошлого, с. 15.

⁶ Там же, с. 12.

⁷ Работа над прошлым: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России, с. 236.

⁸ Россияне и немцы в эпоху катастроф: Память о войне и преодоление прошлого, с. 115.

⁹ Там же, с. 162.

¹⁰ Там же.

¹¹ Работа над прошлым: XX век, с. 73.

“Комплекс жертвы: война памяти о Второй мировой войне в ФРГ и СССР” Т.Ю. Тимофеева отмечает серьезные трансформации в современной политической культуре Германии, в которой создано “пространство публичности”, где в дискуссиях участвуют политики, ученые и простые граждане. Автор указывает, что «все эти позитивные тенденции представляют собой решительный контраст с тем, что происходит в России, но тем не менее не означают безоговорочного преодоления прошлого, “комплекса жертвы”, подавления ревизионистских тенденций в освещении нацизма»¹².

Смелой попыткой переосмысления прошлого стал проект американского историка Й. Хелльбека по исследованию писем немецких солдат и офицеров из-под Сталинграда. Исследователь сообщает о малоизвестном факте: в годы Второй мировой войны в немецких магазинах продавались специальные книжки для хранения писем с фронта. На обложке книжки были напечатаны слова: “Сегодня эти письма написаны для тебя, завтра они будут принадлежать народу”¹³. Хелльбек стал соорганизатором выставки фотографий “Лица Сталинграда: советские и немецкие портреты 67 лет спустя”, в ходе которой была создана галерея портретов участников Сталинградской битвы из России и Германии. Два портрета (бывшего капитана вермахта Герхарда Мюнха и советской разведчицы Веры Бушуловой) вынесены на обложку сборника “Россияне и немцы в эпоху катастроф”.

Ярославский историк М.Е. Ерин, для которого участие в волгоградской конференции стало, к сожалению, одним из последних выступлений на крупных международных форумах, в статье “Восприятие нацистской военной и политической элитой Советского Союза, его руководства в годы Второй мировой войны” отмечал, что “политическая и военная элита Третьего рейха с величайшим презрением говорила о России и русских”, однако нацистские “фюреры” серьезно просчитались в оценках потенциала и возможностей советского генералитета и политического руководства¹⁴.

“Образ врага” – одно из центральных разделов в сборниках. А.Е. Елифанов (Волгоград) посвятил свою статью образам немецких военнопленных в советской пропаганде в ходе Сталинградской битвы. Д. Вирлинг (Гамбург) и И. Реброва (Берлин) обратились к образам “детей войны”. В. Шмидт (Гамбург) акцентировал внимание на портретах немецких художников на Восточном фронте. Эти портреты, а также другие фотодокументы опубликованы в сборнике “Россияне и немцы в эпоху катастроф”.

Обобщающее сообщение по теме “образ врага в советской и германской фронтовой пропаганде” сделал А.Ю. Ватлин. Сопоставив агитационный материал, распространявшийся с обеих сторон в годы Великой Отечественной войны, автор пришел к неожиданному выводу: нацистские и советские пропагандисты нередко копировали визуальные образы друг у друга, но представляли их в другой композиции. Например, изначальная советская листовка с изображением солдата вермахта, который втыкает штык в землю, отказываясь воевать на чужой земле, после незначительных изменений представляла уже красноармейца, расправившегося с “жидом-комиссаром”¹⁵.

Личный опыт и переживания о событиях Второй мировой войны обобщен в разделе “Вторая мировая война как место памяти поколений” в сборнике “Работа над прошлым”. Показательным представляется публикация Г.Г. Гринченко “Вечная боль моих земляков: принудительный труд в нацистской Германии в творчестве и памяти современной украинской молодежи”¹⁶. Дистанцируясь от понятия “Великая Отечественная война”, украинский историк констатирует, что «обращение к тематике пребывания граждан Украины в “немецкой неволе” находится в русле не теряющей своей актуальности памяти о Второй мировой войне, мемориальное пространство которой

¹² Там же, с. 81.

¹³ Россияне и немцы в эпоху катастроф, с. 51.

¹⁴ Там же, с. 31.

¹⁵ Там же, с. 157.

¹⁶ Работа над прошлым: XX век, с. 107.

уже невозможно себе представить без опыта и судеб тех, кто против своей воли был вывезен за территорию своей страны на работы принудительного характера»¹⁷.

Многие авторы анализируемых сборников обращают внимание на актуальные проблемы культуры памяти, в том числе на “транзитные места памяти и поколенческую идентичность”. Так, А.А. Фокин (Челябинск) исследовал рецепцию советского прошлого на основе данных Интернета.

На примере поставок газовых труб германский историк М. Майер (Тутцинг) рассмотрел переход от “старой” восточной политики Конрада Аденауэра к “новой” восточной политике Вилли Брандта¹⁸.

А.Ю. Ватлин, развивая тему связи поколений, обратился к историографии поколения “перестройки”. Ключевым аспектом в этом плане автор считает вопрос об “истинном социализме”. Именно он определял историческое сознание в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Опираясь на личный опыт, А.Ю. Ватлин пришел к выводу, что “перестроечное возвращение к истинному социализму стало историко-политическим концептом, выдвинутым сверху, но ожидаемым и принятым интеллигенцией. Правящая партия и уставший от нее народ в какой-то момент пересеклись на встречах курсах. Трагической иллюзией оказалась уверенность, что эта встреча всерьез и надолго”¹⁹.

Проведенный А.Ю. Ватлиным анализ показателен как с хронологической точки зрения (он замыкает круг исторических исследований от событий Второй мировой войны до “перестройки” в СССР), так и с точки зрения современной методологии истории. Составители сборника сумели объединить современных германских и российских авторов, изучающих проблемы культуры исторической памяти. При разных подходах и выводах историков мы имеем дело с ценными и информативными изданиями, выход в свет которых значительно обогатил современную историографию Второй мировой войны и послевоенного времени.

¹⁷ Там же, с. 125.

¹⁸ Там же, с. 224.

¹⁹ Там же, с. 281.